

ЗАБВЕНИЕ

ELLEN FALLEN

ПСИХЕЯ

ЭЛЛЕН ФОЛЛЕН

В поисках утраченного

Эллен Фоллен

Психея. Забвение

«Ellen Fallen»

2020

Фоллен Э.

Психея. Забвение / Э. Фоллен — «Ellen Fallen», 2020 — (В поисках утраченного)

Андреа Уиллис знала, что некого винить в случившемся, кроме себя. В поисках утраченного, она потеряла самых дорогих людей. Превратившись в тень, она перестала искать смысл. Исправить было невозможно. Она меняет все в своей жизни, место проживания, отношение к себе, но, к сожалению, не к окружающим. Девушка не ожидает самого страшного, что может с ней случиться, – это смертельный прыжок в погоне за правдой. Андреа играет с огнем, позабыв о том, что смерть идет по пятам. Как и Грант Меллон, готовый в любую минуту отдать свою жизнь ради любимой Андреа. Стоит ли продолжать копаться в тайнах? И потерять возлюбленного?

© Фоллен Э., 2020

© Ellen Fallen, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Эллен Фоллен

Психея. Забвение

Пролог

18 лет назад

Я любила находиться рядом с папой, слушать рассказы о путешествиях и местах, которые он мечтал бы посетить. Очень часто были правдоподобные истории, совсем такие, какие показывали по телевизору. Отец был моим Сантой и волшебником из страны Оз, тем, кто увлекает, помогает познавать. Каждый вечер я усаживалась возле камина и ждала, когда папа решит все домашние вопросы, примет душ и приедет сюда на инвалидной коляске, чтобы рассказать очередную захватывающую историю. И для меня это не были сказки, я искренне верила в то, что происходящее было на самом деле. Он бы никогда не позволил себе обмануть своего ребенка.

В камине потрескивали сухие поленья, комната купалась в теплом дыхании поздней осени, и яркие всплески огненных языков разбрасывали свои блики на стены кабинета. Привычно я иду к огромному старинному комоду и достаю оттуда наш любимый плед, аккуратно сложенный на полке. Раскладываю его вблизи камина и сажусь на него по-турецки, глядя в дверной проем. Соприкосновение резины с паркетом – это любимый звук из детства, когда ты точно знаешь, кто к тебе приближается. Появляется тень отца в длинном коридоре, затем и он с улыбкой на лице.

– Прекрасная пижама, радость моя. – Он подъезжает ближе, останавливает инвалидную коляску и с сожалением смотрит на то, что я, в очередной раз, приподнимаюсь на коленях, убираю подножку и зажимаю ее крючком. Сейчас мы должны очень аккуратно переместиться вместе на плед и сделать все очень тихо. Папа прикладывает палец к губам, указывает мне на дверной проем, я быстро встаю и на цыпочках передвигаюсь по кабинету, закрываю двери и так же тихо возвращаюсь к нему.

– Мама еще не спит? – удивленно спрашиваю его.

– Она решила ознакомиться с новым рецептом на ночь глядя, – усмехается он. – Завтра нас будет ждать кесадилья. Она давно влюблена в Мексику. – Отец переносит вес тела на руки и очень аккуратно сползает с инвалидной коляски, оказавшись на полу рядом со мной. Я помогаю ему расположить не чувствительные ноги, подтягиваю подушку под его голову и ложусь рядом, устраиваясь удобнее.

– Папочка, а когда у тебя закончатся истории, мы не будем больше разговаривать и видеться? – Почему-то меня так напугала эта мысль, на глаза навернулись слезы. Я знала, что ему очень тяжело поворачиваться на бок, потому прячу лицо в его плече до того момента, пока он не прекращает гладить меня по голове.

– Когда у меня закончатся истории... Этого не случится, ведь самая главная причина всегда рядом со мной. – Он касается моего носа. – Это ты, милая. Запомни, когда я далеко, вспоминай о том, что я полюбил тебя первым... И что в моем сердце ты занимаешь главное место с первого твоего вдоха, с первой улыбки... Вспомни, что отцовская любовь самая сильная, и я молюсь о тебе, где бы ты сейчас не находилась. Зная это, ты обязательно придешь ко мне и расскажешь свои истории, не позволяя нам закончить обмен нашими приключениями. А еще, – он говорит приглушённым голосом, я поднимаю голову и кладу свой подбородок на его грудь, глубоко вдыхая, чтобы не расплакаться, – я хочу, чтобы ты поступала, как велит твое сердце, прислушивалась. Иногда то, что находится внутри нас, подсказывает намного лучше любого компаса.

– У меня внутри встроен компас? – хмурюсь я на слова отца.

– Не настоящий, но работает отлично, лучше обычного. И он всегда нацелен на твой дом, семью, что так любит тебя. – Его голос становится серьезным. – Когда на твоём лице не останется этих задорный веснушек, ты будешь реже нуждаться в моих рассказах. – Что-то тревожное проскальзывает в его взгляде, и я тянусь к нему, сильно прижимаюсь, крепко обняв его шею руками.

– Я люблю тебя, папочка. Буду прислушиваться и всегда нуждаться в тебе и твоих рассказах. Обещаю. – Целую его в щеку и получаю ответный поцелуй в лоб. – О чем ты сегодня мне расскажешь?

Он делает вид, что задумался, я устраиваюсь удобнее, подкладывая ладони под подбородок и наблюдаю за ним.

– Я расскажу о медном городе под землей, наполненный рептилиями-повелителями. – Он доволен эффектом, мое тело напрягается, и пальчики на ногах подгибаются в ожидании одной из самых захватывающих историй.

Глава 1

Наше время

Тихий шелест опадающих листьев с деревьев, высаженных на местном кладбище, словно переговаривались между собой. Они были свидетелями моего тихого горя и молчаливого присутствия на общей могиле моих родителей. У меня не было интересной истории для отца, я внутренне опустошена, даже не смотря на двухлетний перерыв между лечебницами. Я уходила оттуда, но возвращалась, когда чувствовала тихие шаги подкрадывающейся удушающей меня тоски и одиночества. Там мне было спокойней, чем в мире без моих родных.

Почему-то при их жизни я никогда не думала, что однажды буду сидеть здесь одна и рвать траву, покрывающую плотной скатертью их тела под землей. Я понимала каждое слово и остро чувствовала, что у нас остались еще миллион не рассказанных историй. Но сейчас... ни одна не приходила на ум. У меня их попросту не было, все, что произошло, они знали, ничего грандиозного в связи с моим новым образом жизни не случилось. Я абстрагировалась от внешнего мира, во благо своей психике.

Подставляя лицо восходящим лучам солнца, они греют мои прохладные щеки, покрытые слезами прощания. Я больше не могла находиться в клинике, принимать лекарства и каждый раз возвращаться. Мне необходимо было оттолкнуться с мертвого места и продолжать жить. Пусть будущего я не видела, но и умирать не собиралась. Физически. Имена, выгравированные на гранитном камне, осветились лучами солнца, поблескивая и переливаясь. Я снова вчитывалась в них, как в первый раз, принимая случившееся, и свыкаясь с настоящим. С трудом выдохнув, я срываю еще несколько травинок, сжимаю в руках, пока они не окрашивают мою ладонь в зеленый цвет.

– Мам, – сдавленно шепчу я, – я попробовала приготовить кесадилью, и она получилась ужасной на вкус. Мои попытки готовить, как ты, не увенчались успехом. И я скучаю по вкусным завтракам. – Мой голос меняется. – Скучаю по утренним неожиданным встречам, именно поэтому не закрываю двери на ключ, забывая о том, что вы не приедете. – Прикладываю пальцы к губам, сосредотачиваясь. – Но я помню, как ты хотела поехать в Мексику, и теперь, видимо, у меня тоже будет история для тебя и папы. – Едва сдерживаю себя, чтобы снова не расплакаться. – Прости меня, папочка, я снова копалась в твоих вещах. Мне надо было перебрать то, что я возьму с собой. Все вещи находились в контейнере, и твой дневник – единственное, что я позволила присвоить себе. Мне не хватает путешествий, ощущения того, что, когда я вернусь, вы будете меня ждать. Кажется, если я уеду в Мексику, мне будет куда возвращаться. Я надеюсь на это. Если вам не сложно, приглядывайте за мной.

Я чувствую их рядом с собой, наверное, как и любой другой человек, находящийся на кладбище. Может от того, что в это хочется верить...

– Обещаю, когда я вернусь, обязательно расскажу вам о том, что происходило. И наши рассказы никогда не прекратятся. – Встаю и обтряхиваю мелкие травинки, накрошенные мной на свободные штаны. – Скоро мы встретимся. – Прикладываю пальцы к губам, затем к надгробию. – Люблю вас, мне пора уходить.

Иду задом наперед, боясь отвернуться от них, забыть, как ухожу, оставляя их в сырой земле, которая совсем скоро промерзнет насквозь, скованная холодами. Оставить их в одиночестве, ждать меня, когда я вернусь. Мне говорили в клинике, что жизнь продолжается, но иногда слова ничего не значат. Время, проведенное вместе, пролетело незаметно, и никто не готовится к тому, когда твой внутренний компас постоянно зовет тебя домой, которого у меня не стало. Единственное место, где я могла их встретить, это кладбище, общий дом всех мертвых жителей нашего городка. Отпускать всегда нелегко...

Прикладываю руку к сердцу, даю им знать, что они всегда со мной, и оборачиваюсь быстрым шагом, пересекая оставшееся расстояние. Захлопнув за собой пассажирское сидение, я смотрю в окно, игнорируя человека, сидящего в салоне. Девушка наблюдает за мной, затем берет меня за руку и сжимает ее.

– Они были бы рады за тебя. Ты справилась и теперь можешь продолжить. – Кэрри заводит машину и указывает пальцем на коробки за нашими спинами. – Я собрала то небольшое, что нам понадобится из наших вещей. Надо проследить, чтобы все сложили в контейнер и не растеряли. – Она замолкает, пока я хмуро смотрю в одну точку. – Ты не жалеешь о том, что я сопровождаю тебя?

Я несколько раз моргаю, когда она прикасается к моему лицу своей теплой рукой, сосредотачиваюсь на ней.

– Я что? Прости. – Она понимающе кивает, не только я потеряла родных. – Жалею? Нет, что ты. Это тебе, должно быть, страшно покидать страну ради нескольких месяцев моей адаптации в Мексике.

– Адаптация звучит так, будто я сдаю тебя в изолятор или приют для брошенных животных. – Кэрри издает смешок. – Хотя я не далека от истины.

– Не начинай. – Я вытаскиваю свои солнцезащитные очки из бардачка и захопываю чехол.

– Мексиканцы ленивые. – Она сворачивает на центральную дорогу и притормаживает на пешеходном переходе.

– Кто-то сегодня не хотел подниматься с кровати, убирать за собой номер и вообще считает готовку нудным занятием, – отвечаю я и вытаскиваю сумку с заднего сидения, проверяю документы.

Машина трогается с места, я, наконец, справляюсь с наружным замком и вытаскиваю бумаги. Проверяю разрешение и вид на временное жительство. Решение поехать в Мексику не было спонтанным, когда мне стало невыносимо находиться среди родных мест. Отговаривать было некому, а единственный человек, ставший мне другом, была Кэрри. И это стало удачей...

– Я могу остаться с тобой столько, сколько нужно, ты же знаешь. – Она протягивает руку, как только я открываю упаковку с сырными шариками. – Тем более тебе будет жутко скучно без меня.

– Зато меня никто не будет объедать, – отвечаю ей и ставлю пакет на консоль между нами. – Ты сама решишь, как тебе будет удобнее. Кто знает, что нас там будет ожидать. Может, найду себе горячего мексиканца и сбегу от тебя.

Она смеется, закидывает в рот соленые шарики и вытирает тыльной стороной руки свои губы. Кэрри была тем человеком, который мог броситься в омут с головой, перешагнуть через свое прошлое, сделав вид, что она никогда не переживает о случившемся с ней. Но я знала, что она все еще обвиняет себя за свои промахи, совершенные в прошлом. Избавиться от алкогольной зависимости и поверить в себя очень сложно. Особенно если ты в пьяном угаре не заметила, как твоя половинка умирает. Трагедия толкнула нас с Кэрри в бутылку. Мы нашли нечто общее и справлялись с этим так, как умели. Каждый день в течение полугода нас садили вместе за обеденный стол, но ни одна из нас не замечала человека, сидящего напротив. Мы были настолько погружены в случившееся, что не пытались наладить контакт. В один из дней Кэрри, присаживаясь рядом со мной, вдруг поздоровалась, привлекла мое внимание рассказом о вязании, которое должно успокаивать нервную систему. Когда я сказала, что не умею вязать, она ушла, оставив меня сидеть в одиночестве, глядя на ее пустую тарелку. Вернувшись, она вручила мне клубок пряжи жуткого оранжевого цвета, набрала пару петель, нависнув надо мной. Я делала так, как она говорила, петля за петлей затягивались на моих глазах, превращаясь в странный орнамент, напоминающий снежинку. Меня в тот момент бросило в жар; я будто вернулась в снежный Уистлер и так явно увидела лица своих сопровождающих. Мне стало

плохо, трясущиеся пальцы не отпускали спицы, даже когда она пыталась выдрать их из моих рук. Я видела перед собой Джареда, его искаженное гневом лицо и лживые глаза. Как я могла исправить ситуацию? Улететь вместе с ним на самолете, но Грант не позволил мне сделать этого. Он был для меня виноватым, и я уже сомневалась в том, кто есть кто. Эти два мужчины слились для меня воедино. Отгородившись от Меллона, из меня словно вырвали кусок души; притяжение и внутренняя борьба с желанием увидеть его снова, стали для меня очередным нервным срывом. Я еще больше душила саму себя, обрастая запретами.

Отвлекаюсь, когда автомобиль резко тормозит, и из машины выскакивает Кэрри с громким ругательством. Не сразу понимаю, что происходит передо мной, пока разъяренная девушка не хватается за грязную футболку мужчину, превосходящего ее в росте. Вспышки агрессии, от которых Кэрри пыталась избавиться, нахлынули с новой силой. Отстегиваю ремень безопасности и выхожу следом за ней, не останавливаюсь перед толпой мужчин в рабочей одежде, сразу направляюсь к скандалящей парочке.

– Думал, я не увижу этого дерьма? – орет во все горло Кэрри, краснея от злости. – Ты кинул коробку внутрь!

– Уверен, там не было стекла или хрупких предметов, которые можно повредить. – Смуглый мужчина не ведет бровью, и я понимаю почему. – Синьора Андреа, рад тебя видеть.

– Ты сейчас со мной разговариваешь, паразит, смотри мне в глаза. – Кэрри удивленно смотрит на мужчину, который очень медленно отдирает ее пальцы от себя и подходит ближе ко мне, оставляя ее с открытым ртом.

– Я нашел вам хороший дом, думаю, вы обе будете в восторге. Моя тетя уже готовит его к вашему приезду. – Он указывает на нашу машину. – Я могу достать ваши оставшиеся вещи? Свои я только что закинул.

– Спасибо, Эрнесто. Но я сама могу их перенести, – говорю ему и поворачиваюсь лицом к ошарашенной подруге. – Это мой хороший знакомый, вещи принадлежали ему. Он не так плох, как кажется.

Кэрри раздраженно поправляет растрепанный пучок каштановых волос на затылке и недовольно поджимает свои красивые губы. Я подхожу к ней ближе и обнимаю ее за плечи, успокаивая.

– Ты решила собрать по дороге всех уличных алкашей и грузчиков под одной крышей? – Я прикусываю край губы; она ошибается.

– Скорей принимаю помощь хороших друзей. Эрнесто был одним из тех, кто занимался съемкой в экспедициях, работая в фирме моего отца и со мной, – отвечаю девушке, она смотрит, как мимо нас проходит мексиканец и бережно вытаскивает наши коробки.

– Грязный мексиканец? – Кэрри говорит это так громко, что все рабочие начинают смеяться, Эрнесто поправляет лямку рабочего комбинезона, свисающую на бедрах, и натягивает на свое рельефное плечо.

– Он мой парень на одну ночь, и поверь мне на слово, грязный с ним только секс. Он же на высшем уровне во всех смыслах. – Эрнесто подмигивает мне, оценивая плотоядным взглядом мою фигуру, и я отворачиваюсь.

– Этого не может быть! – Она запускает руки в волосы и распускает неказистый пучок, поправляя удлиненное каре. – Это будет ужасное путешествие, но если он тебя не интересует, я опробую свои романтические флюиды.

Я обхожу ее и вытаскиваю из машины коробку, ставлю на пол, затем следующую, пока салон не становится пустым.

– Ты была такая порочная, Андреа, но мексиканец! – шипит Кэрри, обхватив коробку и громко пыхтя, поправляет.

– Я же сказала, это было мимолетно. Выброси из головы. И он мог вполне обидеться на тебя, сделай попытку позже. – Мы обе замолкаем, когда Эрнесто забирает из моих рук коробку,

ставит ее на пол и составляет пирамиду. Затем с легкостью поднимает, я перехватываю долгий, голодный взгляд Кэрри, задержавшийся на мощном бицепсе. Даже перемазанный пылью он сексуален, не спорю, перед ним очень сложно устоять. Невольно я вспоминаю, как утащила его в подсобное помещение, в котором ужасно воняло хлоркой, но теснота и неудобства стоили того.

– А мне помочь не хочешь? – Еле оторвавшись от красавца, Кэрри протягивает ему коробку и делает шаг навстречу Эрнесто.

Мужчина оценивает ее, я занимаюсь рассматриванием бумаг, чтобы не быть камнем преткновения. У меня нет никакого желания сейчас думать о романтике. Уединение, именно за ним я и еду. Наклоняюсь и достаю бутылку прохладной воды, валяющуюся в машине на коврике. Эрнесто игнорирует ее слова и направляется к контейнеру, оставив нас смотреть ему в спину. Кэрри обхватывает коробку и идет следом за ним, укладывает ее на место и раздает указания рабочим. Происходит неприятная ситуация, когда два человека не с того начали знакомство. Я могла бы вмешаться и встать на одну из сторон, но не лезу в эти разборки, так как она была не права – судить человека по одежде или внешности нельзя. Тем более, если нам протянули руку помощи. А Эрнесто сам по себе хамоват, но только на первый взгляд. Сажусь в салон на переднее сидение и подстраиваю спинку, готовясь к долгой изнуряющей поездке. Кэрри проходит мимо Эрнесто, садится на водительское место и заводит машину.

– Я надеюсь, у него есть отдельный транспорт, иначе замочу его при первой возможности, – злобно проговаривает она и с остервенением дергает ремень безопасности. – Он меня оттолкнул, подумать только!

– Боюсь, что он едет с нами и останется на некоторое время в Мексике. – Делаю вид, что высчитываю время, которое мы затратим на путь.

– В том же доме, где и мы? – чуть ли не орет она.

– Остынь, у тебя будет возможность попытать удачу чуть позже. – Я заставляю ее замолчать, когда мужчина подходит к машине и открывает заднюю дверь. Понимаю, что моей подруге неприятно подобное одёргивание, но всему свое время. В конце концов, это я снимаю дом и плачу за него. А романтические отношения почти всегда начинаются вот с таких горячих перепалок. – Эрнесто, вбей, пожалуйста, координаты и будь милым с моей подругой. – Передаю ему навигатор с благодарной улыбкой. – Спасибо, что помог. Очень ценю.

– Для тебя все что угодно, ми сиело. Когда тебе что-то понадобится, я всегда рядом. – Он смакует каждое слово, приводя в бешенство девушку рядом со мной. – Кстати, я Эрнесто Эрнандес, хотел бы узнать имя столь темпераментной девушки. – Он протягивает руку зардевшейся Кэрри.

– Для тебя Кэролайн. – Она показывает ему неприличный жест и давит по газам.

Едва качая головой, уголков губ касается улыбка впервые за это время. Их борьба будет весьма увлекательной.

Глава 2

Мы приехали в местечко Куэрнавака после полудня, как раз, когда город, как мне показалось, должен уже отдыхать от суеты. Я с удовольствием высунула голову из окна, чтобы запомнить первые впечатления. Штанга, вытянутая на расстоянии, и прикрепленный к ней телефон снимал все, что нас окружало. Машина взбиралась на холм и внезапно остановилась, заставив меня задохнуться от восторга.

– Выйди, посмотри вокруг, – довольный впечатлением, говорит Эрнесто. – Все как на ладони, правда ведь?

Я открываю дверь и ступаю на медную землю, всматриваясь вдаль, там, где зеленые холмы сливаются с дикими лесами и солнце прячется за горами. Город похож на огромный муравейник с кишачими людьми. Издали были видны разукрашенные в яркие пятна невообразимых цветов, как в городе вечно веселья выглядывали то тут, то там, напоминая радугу. Сразу стало понятно, почему Куэрнавака называют «мексиканский Беверли Хиллс». С любой возвышенности в глаза бросались шикарные бассейны богатых коттеджей и скопление народа в той или иной части. Я сразу подумала о широких площадях, статуях мексиканских героев и музыке. Отголоски звуков и мелодий тянут меня как можно скорее увидеть и услышать все вблизи. Но у меня не получится преодолеть этот барьер из страха оказаться в людном месте. Не так быстро...

– Это потрясающее место, – выдыхаю я с непонятной дрожью в голосе, – почему я не поехала раньше?

– Потому что приходила в себя. Садись давай, чика, – слышу сонный голос Кэрри с заднего сидения, – у меня все тело будто кирпичами напичкано, если бы твой друг бесценный вел аккуратней, я могла бы не переживать за ушибы на моих ребрах.

– Все для тебя, Каролина, – отзывается Эрнесто, искажая в который раз имя Кэрри.

– Кэрролайн я, а ты бестолковая обезьяна, – бесится моя подруга и усаживается через силу на сидении, как только я захопываю двери. – Уступи мне водительское место.

– А ты со своим территориальным кретинизмом найдешь дорогу? – ёрничает мужчина, что является последней каплей. Достая наушники и вставляю их в уши, постепенно распутывая ненавистный провод. Вот надо же до такой степени закрутился, конца и края нет. Пока в салоне перекидываются грубыми шутками, я захожу в ай-тюнс и включаю первую попавшуюся песню. Renegade Five. Эта группа как нельзя кстати отображает мое нынешнее состояние. Я словно падаю, мне кажется, что солнце спряталось за тучи, и кроме теней, окружающих меня, ничего и никого нет. Все поглотила тьма, которая медленно, но верно подступает ко мне. Все, что я могу делать, приспособливаться, заново выстраивать стену для обороны и учиться существовать. Сейчас для меня было проще сбежать от прошлого, памятных вещей, домов, фамилии и всего того, что было таким родным. Пытаюсь найти дорогу в сумерках, страшно ощущать, что «оно» придет за мной. Рано или поздно меня настигнет участь моих родных. Я была готова приставить к виску оружие лишь бы не стать тем, кем являюсь сейчас. Все это было до того момента, пока не поняла, что мне необходим человек, который выведет меня из теней, как только сумрак рассеется. Меллон... Как прекратить думать о нем?!

Мне некого винить в случившемся, кроме себя. В поисках утраченного, я потеряла самых дорогих для меня людей. Исправить все уже не возможно. Самое страшное, что может случиться, – это мой смертельный прыжок в погоне за правдой. Смерть... которую, к счастью, я уже не боюсь.

Я снимаю солнцезащитные очки, вытираю лицо влажной салфеткой и бросаю ее в ноги на резиновый коврик, нахмурившись, обращаю внимание на грязные ботинки с налипшей землей.

– Эрнесто, покажешь мне, где здесь есть мойка машин. – Обтираю ботинки друг об друга.

– Я сам об этом позабочусь, так всегда после дождя. Чуть ли не кроваво-красный оттенок. – Он указывает на мою обувь и застывшие куски грязи. – Такая почва в нескольких городах. Она не плодородная, поэтому многие выращивают овощи вблизи леса.

– И каким образом вы здесь живете? – заинтересованно спрашивает Кэрри, усевшись между сидениями и облокотившись на разделяющую консоль, на удивление, ее тон уже не агрессивный.

– Точно так же, как и все остальные. У нас есть все для жизни, просто запросы маленькие, – он усмехается, когда я кривлю губы. – Тебе просто надо окунуться в наш быт. Человеку, на самом деле, много не надо. Мексиканцы веселый народ, они покажут, как жить по-настоящему. Все, что есть у нас, дано нам землей и уходит в нее же.

– Может, у них нет другого выбора, – доносится голос Кэрри с заднего сидения. – Людей образно заперли в этом городке, и они обязаны работать, лишь бы прокормить детей.

– А разве не по такому принципу живут все на этой планете? Ты из обеспеченных или тратила деньги дружка и прожигала жизнь? – Эрнесто не знает, что наступает на большую мозоль, подруга отталкивается от сидений и усаживается, обхватив себя руками.

– Эрнесто, не стоит. – Я прикасаюсь к его локтю, намекая остановиться на этом.

Мужчина тут же оценивает обстановку, на его лице появляется виноватое выражение.

– Я не хотел, Кэролайн. Мы все, наверное, по сути, прожигаем свою жизнь. Не важно. Давай попробуем объявить перемирие, тем более что мы уже приехали. – Он петляет между узких и широких улочек с толпами мелких детей, хаотично бегущими по улице. И, наконец, останавливается около двухэтажного здания.

Первое, что приводит меня в оцепенение, это количество детей на улице. Ими кишит, они как маленькое полчище тараканов, расползающихся хаотично в разные стороны. И если прибавить гвалт и визг, здесь довольно шумно для хорошего места, способствующего выздоровлению для человека, только вышедшего из клиники. И если мне показалось, что первое это ужасно, надо было развеять эту мысль, повернувшись перед зданием, в котором нам предстояло жить.

– Это точно дом? – Кэрри присвистывает, выходит из машины и задирает голову кверху, рассматривая, как и я, разноцветное нечто. – Больше напоминает сладкую вату, посыпанную шоколадной стружкой и конфетти. Что же так жизнерадостно-то?

– Компенсируем плохие дороги, шум, ужасную воду и жару, – с добротой в голосе отзывается Эрнесто и лезет в багажник, чтобы помочь достать наши сумки. – Я предупреждал, что люди у нас веселые?

Как будто специально мимо нас за угол заворачивает компания, горланящая на мексиканском довольно неприличные песни. Мужчины разодеты в яркие одежды, на головах соломенные шляпы, а в руках... тут никто уже не удивился при виде гитары. Мелодичные мотивы будто отталкиваются от стен, распространяясь от начала до конца улицы. Дети начинают подпевать, видимо, очень известной песне, у меня мгновенно простреливает головная боль в районе виска. Я надеялась на спокойную жизнь с незнакомыми мне людьми, возможно даже не говорящими на моем языке. Полностью исключить из жизни людей, абстрагироваться и запереться в доме, как в яме... Мне необходим этот период, чтобы смириться, но в подобных условиях это невозможно. Я будто попала на карнавал с очумевшими людьми, их образ жизни не такой, каким я его себе представляла. Даже если стану посмешищем и обо мне будут ходить среди жителей ужасные истории, меня все устраивает. Верней, устраивало до этого момента.

– Тебе не нравится, ми сиело? – Я еще не в состоянии пересказать то, что сейчас у меня на уме, поэтому стараюсь не обидеть человека, согласившегося помочь мне, и в то же самое время мои нервы начинают сдавать. Я вытираю мгновенно вспотевшие ладони об потную серую майку и стою истуканом. – Это Мексика, серые дома принадлежат обществу, администрации. А мы предпочитаем разбавлять серые будни.

– Эй, все не так плохо. – Меня обнимает за плечи Кэрри, подталкивая к витиеватым кованым воротам. – Зато территория огорожена. Веселье – это здорово, мексиканец, ты прав. – Она становится вплотную со мной, маяча перед глазами. – Ты всегда можешь уйти в комнату. Да твою же мать! – Она хватается за футболку одного из мальчишек, толкнувших ее в бедро, и, как вшивую собачонку, уводит в сторону, пока он пялится на меня, как на богиню, чуть ли не молясь. – Чувствую, дети будут проблемой не только для тебя.

Я снова оглядываюсь по сторонам, к подобному надо привыкнуть. Это как выбить тебя из привычного образа жизни. Когда ты столько времени провела в уединении в четырех стенах и подпустила лишь одного человека. Общество очень давит. Слегка кивнув головой, я толкаю ворота и прохожу по аккуратно уложенной каменной плитке, окруженной разнообразными цветами. Хлипкие двери, будто из доски, тихо открываются, и передо мной появляется женщина средних лет с приятными чертами лица. Ее черные, как смоль, волосы уложены в красивую прическу, не в сравнении с моим конским хвостом. По привычке я стягиваю резинку на затылке, подумывая о том, чтобы отрезать их к чертовой матери, и чем короче, тем лучше. Если бы отец узнал, насколько часто я хочу это сделать, и, главное, был бы жив, удушил бы эту идею, даже не дав ей появиться.

– Добро пожаловать, Андреа. Меня зовут Химена. – Женщина выходит за порог и широко раскрывает руки, приводя меня в ужас, как только зажимает в крепких объятиях. – Эрнесто, до чего красивая американка. Что же ты молчал. Будет тебе невеста.

– Она не согласится, я себя плохо вел. – Он проходит мимо меня, добродушно улыбаясь.

– Как ты мог, бесстыдник? – возмущается она. – Но ничего, сеньора, он исправится. А кто ваша красивая подруга?

– Познакомьтесь, это Кэрролайн. – Женщина обнимает мою подругу, пока я осматриваю дом изнутри.

Мимо меня проходит Эрнесто и заносит наши сумки, я делаю вид, что пропустила мимо ушей его объяснение для родственницы, он все еще улыбается, будто ему нравится мой шок.

– Вообще это дом Эрнесто, он обещал жениться несколько лет назад. Привезти ее сюда. Мы сделали ремонт, привели все в порядок, а он передумал. И вот так он и стоит здесь одинокий, – объясняет для чего-то женщина.

– Одинокий Эрнесто? – уточняет Кэрри, не скрывая злорадства, она явно хотела оскорбить его.

– Дом, сеньора. Это самый одинокий дом на всей улице. И мы с его родителями очень надеемся, что в ближайшее время он все же порадует нас. – Эрнесто останавливается позади меня, и я чувствую его дыхание мне в затылок.

– Я даже не знаю, мне гордиться этой особенностью мексиканцев или рыдать навзрыд. Опрометчивое решение привезти гостей в этот дом, у вас есть возможность узнать все наши семейные тайны, – он шутит, помогая мне расслабиться в присутствии стольких людей. – Это лучшая терапия, ми аморе. И запомни, у жителей этой страны нет секретов ни от семьи, ни от друзей, ни от чужих людей. Каждый охотно поделится новостями и событиями своей личной жизни.

И моей, по всей видимости.

– Жутковато, не находишь? Будь у тебя в подвале труп той невесты, это было бы рассказано всем? – я говорю это, не обдумав, не узнавая себя.

– У меня нет трупа невесты. Кто-то любит исчезать до того, как я мог бы успеть сделать приятное предложение, – серьезно говорит он.

– Значит, это был не твой человек, не переживай. – Хлопаю его по плечу и прохожу в кухню, стены которой оклеены оранжевыми обоями в ослепляющих подсолнухах. Мозаика на стенах синего цвета не гармонирует ни с чем, она будто прилеплена сюда нечаянно. Как клякса посреди этой белиберды на стенах и потолке. Не знаю, каким словом назвать весь этот

дизайнерский шик, не обидев присутствующих. Но это безвкусица. Как и шумный район. Я пытаюсь собраться с силами и сказать то, о чем думаю. Надо покинуть это место и найти нечто более подходящее. И будто чувствуя мою неуверенность, передо мной возникает Эрнесто со стаканом в руке.

– Андреа, люди, живущие здесь, не способны на осуждение, не умеют завидовать и не станут злорадствовать, они всегда рады помочь, поддержать, посмеяться и поплакать вместе с тобой или над тобой, если ты позволишь. Поверь мне, ты научишься быть вновь жизнерадостной. Пару недель и все будет замечательно. – Он предлагает мне свой локоть, выставляя его вперед, чтобы я смогла зацепиться за него. – Я положил твою сумку в хорошей комнате. Тебе она понравится.

Мы поднимаемся по винтовой лестнице, и он ведет меня по коридору мимо двух других дверей, в самый конец. Деревянная дверь открывается, как только он надавливает на металлическую ручку. Наполненная искусственным светом, комната чем-то напоминает мою в доме родителей. Отдаленно. Нежно-сиреневые стены, несколько нейтральных картин, широкая кровать, укрытая пледом ручной работы, и подушки, которых не счесть. Можно устроить себе укрытие из них при желании. Плетеная мебель, стоящая у дальней стены, с пузатой синей вазой, наполненной цветами, которые я видела растущими вдоль дорожки. Эрнесто раскрывает воздушные, белоснежные тюли и двери, ведущие на широкий балкон. В комнату мгновенно врывается удушающая духота и шум с улицы.

– Это задний двор, ночью здесь очень тихо, и всегда дует прохладный ветер. Возьмешь с собой мятный чай и будешь наблюдать за огнями центральных улиц. – Доброта, звучащая в его голосе, заполняет постепенно мое сердце, заставляя его медленно таять.

– В стране вечного солнца, музыкальных людей, шумных детей, ароматного кофе и свежих сочных фруктов, – спокойно говорю я, наблюдая, как в доме напротив, на балконе сидит пожилая женщина, а рядом с ней ребенок, энергично размахивающий руками. – Я так хотела посмотреть эту страну, ощутить, насколько здесь все замечательно, когда были живы родители. После всех рассказов мне не терпелось погрузиться как можно скорее в эту атмосферу. А теперь, оставшись без них, я не знаю, как сбежать от всего и в тоже самое время оставить в памяти о них хоть что-то. Почему так?

– Надо спокойно отпускать своих родственников к Богу. Нам с детства объясняют, что именно надо ценить при жизни. Ты придешь к этому, корасон. Дай немного времени. – Он протягивает мне конфетку, вытащив ее из круглой стеклянной вазочки, стоящей на столике.

Я раскрываю шелестящую обертку и отправляю конфету в рот, у меня неожиданно появляются слезы из глаз от остроты, попытавшись выплюнуть ее раньше, чем она обожжет мой рот, я нечаянно раскусываю середину. С удовольствием пробую странный и очень непривычный вкус, от которого невозможно остановиться смаковать. Вытираю выступившие из глаз слезы и широко улыбаюсь от новых ощущений.

– Конфетки чили. С ума сойти! – восклицаю я. – Чувствую, Мексика меня еще удивит.

– Не сомневайся. – Мужчина выходит из комнаты, оставляя меня в одиночестве стоять на балконе.

Может, стоит попробовать окунуться в жизнь местных жителей. Провести время с пользой, начать жить.

Глава 3

Каждое пробуждение по-своему прекрасно, будь оно высоко в горах, когда громкий крик птицы будит тебя, или в палаточном лагере, разбитый в джунглях, – звуки природы ласкают ухо, и есть в этом определенная сладость. Но сейчас я уже битый час зажимала свою голову маленькими подушками, хаотично раскиданными по кровати. Эти звуки невозможно было заглушить ничем. Откидываю подушки в стороны, устремив свой взгляд в белоснежный потолок, убираю длинные пряди от лица и смотрю в пустоту. Я сейчас чувствую себя на пытках инквизиции – духота, детские визги, будто раздающиеся откуда-то снизу, и монотонный стук то и дело захлопывающейся и открывающейся двери. Два часа, что можно делать два долбанных часа с этой чертовой дверью?

Отбрасываю в сторону тонкую ткань простыни и соскакиваю с кровати, ногами моментально нахожу мягкие тапочки, подтягиваю пижамные штаны, даже не думая надевать белье под тонкий топ. Гневно размахивая руками, я спускаюсь, громко топая по лестнице. Древесина жалобно стонет от моей поступи, разъяренная и раздраженная пролетаю мимо огромного зеркала, висящего в широком квадратном холле, усыпанном барахлом в виде ненужных никому ваз, картин, шкафчиков и статуэток. Меня дико раздражают растрепавшиеся волосы, и я дергаю головой, как одержимая дьяволом, пытаюсь убрать их с лица.

Моя агрессивно настроенная личность требует объяснений и желательно смерти того, кто устроил это безобразие. Причем я вполне готова оказаться тем, кто приступит к расчленению.

– Добрый день, сеньора. – Химена сидит в кухне, склонившись над цветастой кастрюлей, и чистит авокадо. – Я сейчас приготовлю ваш завтрак.

– Я, конечно, извиняюсь, но хочу понять, какого черта здесь происходит? – резко отвечаю, и меня подталкивают сзади в плечо, отступаю в сторону, пропуская Эрнесто, проходящего с множеством пакетов в руках. – По моей голове словно слоны топтались все утро. Где обещанная тишина?

– Рад, что ты оценила по достоинству то, что тебя никто не разбудил раньше. – Он поднимает на меня глаза, которые тут же округляются от удивления. – Такой я тебя еще не видел.

– Ты это специально делал? – Он отворачивается от меня и начинает раскладывать на столе купленные продукты. – Прости, Химена, это, правда, все слишком. – Женщина уже суетится около кухонной плиты, я подсаживаюсь за стол, убирая волосы за спину, чтобы не мешали.

– Специально сделал что? Я только приехал, а детишки просыпаются рано. Неужели ты в своих поездках была в идеальной тишине? – предполагает он скептически, отбирает у меня мандарин, указывая себе за спину. – Завтрак, потом у нас с тобой есть дела. Мне нужна твоя помощь.

Я выглядываю из-за него, качнувшись в сторону, и смотрю на ингредиенты, отправляющиеся в сковороду. Чили, он везде, мой желудок не скажет мне спасибо, а кишки будут гореть, как в аду. Дверь со всей дури ударяется так, что у меня спадают тапочки от неожиданности. Я оглядываюсь по сторонам в поисках Кэрри, которая еще не спустилась, но вижу в проходе кое-кого другого. Разворачиваюсь всем телом к маленькому оборванцу, зацепившись вновь надежными тапочками за перекладину на стуле. Немного сторбившись, опираюсь руками на свои колени и приподнимаю брови в вопросе. Смуглый мальчонка, лет шесть на вид, черные волосы, как и у всех жителей этого городка, и пронизательный взгляд глаз цвета угля. Он не ожидал увидеть меня здесь – его расслабленная поза тут же принимает оборонную стойку. Он складывает руки на груди и опирается о косяк, мне в наглую подмигивая и вытягивая губы трубочкой.

– Ну, наконец-то, чика. Сколько уже можно ждать, когда ты проснешься? – писклявым детским голосом он обращается ко мне, вытаскивая из грязного кармана футболки что-то похожее на ромашку.

Мое раздражение улетучивается, я нервно хватаюсь сначала за край стула, затем, смутившись своего внешнего вида, привычно трогаю волосы, забыв о тонком топе, надетом на голую грудь. Хаотично хватаюсь за какие-то тряпки, продукты и все, что лежало на столе, наконец, скрещиваю руки на груди и вытягиваюсь в струнку.

– Не нервничай, детка. Я подожду, пока ты покушаешь, буду рад, если и меня угостишь. – Он идет ко мне, вытянув перед собой помятый цветок.

Где-то внутри себя я вижу девчачьим голосом, все мои прежние представления о детях улетучились, сменившись паникой. Тысячи маленьких меня бегают в черепной коробке, стелкаясь в полуобморочном состоянии от незнания, что сейчас делать. Я приподнимаю подбородок, со стороны все наверняка комично, киваю мелкому оборванцу, и в одном тапочке убегаю с кухни, проносясь мимо ребенка. Лестниц будто стало намного больше, чем в момент, когда я спускалась, добравшись до своей комнаты, я запираю ее на замок и оглядываю комнату с огромными глазами. Что это такое было?!

Стук в дверь отвлекает меня от мыслей, и я прикладываю ухо, вжавшись в хлипкое деревянное полотно. Звук повторяется снова, я затаилась, не зная, что и думать.

– Андреа, это я, – с весельем в голосе произносит Кэрри, приоткрываю дверь, затащив ее внутрь комнаты за руку. – Ты прячешься от малыша? Ты будто бежала от чудовища.

– Ничего удивительного. Я пришла вниз растерзать того, кто не давал мне спать, а оказалось, что там маленький наглец пришел флиртовать со мной. – Снимаю с себя топ, вытаскиваю первый попавшийся бюстгальтер и надеваю его. – На мне даже не было нижнего белья!

– То есть то, что там был Эрнесто и его тетя, тебя не смутило, а чумазый детёныш заставил тебя сверкать пятками, как полоумную? – Она подает мне легкие штаны-бананы и начинает крутиться перед зеркалом.

– Считаешь, что мне стоит извиниться? – Я с трудом сама понимаю свою реакцию. – Он застал меня врасплох, ничего не смогла с собой поделать.

– Прекрати дурить. Одиночество никому не к лицу. Надо будет показать тебе местный базар, там много интересного. Я влюблена в их колорит. – Кэрри машет, будто не имеет никакого значения мое поведение и все то, что произошло. На ее шее появились веревки, усыпанные маленькими медальонами с разными символиками. Я настолько вымоталась с дороги, что, видимо, пропустила все, что произошло сегодня и вчера вечером.

Беру за края простынь и аккуратно заправляю кровать, распределяю подушки и выравниваю покрывала. Прохожу мимо резного комода, скорей всего очередная реликвия семьи, беру расческу и собираю волосы в аккуратный хвост. Наконец сосредотачиваюсь на двери, мне отчего-то страшно двигаться с места. Что, если этот ребенок все еще там, и что у него сейчас в голове после моего идиотского поведения? Кэрри открывает двери и ожидает моих последующих действий, приглашая на выход. Мы медленно спускаемся с лестницы, и я останавливаюсь в дверном проеме, снова столкнувшись с пытливым взглядом детских глаз. Убрав за ухо выбившуюся прядь, подхожу к своему месту, которое теперь рядом с мальчишкой, и сажусь неестественно прямо. Кэрри, Эрнесто и Химена переглядываются, пока я кошусь на ребенка.

– Я Матео. И уже поговорил с Эрнесто, он сказал, что ты с ним не спишь, поэтому я продолжу с тобой встречаться, – серьезно говорит мальчик, Кэрри прыскает от смеха, я расслабляюсь, понимая, что это обычная детская игра.

Все настроенно смотрят на меня, по сути, это моя новая ступень в жизни, психологический тренинг, препятствие, и то, как я его преодолею, покажет, смогу ли двигаться дальше. Я поднимаю взгляд от полностью опустошенной тарелки, видимо, это мой бывший завтрак, и то, как он сглатывает при виде моей очередной порции, напрягает. Я видела эти глаза и раньше,

когда ноздри, едва уловив запах пищи, начинали трепетать, рот наполнялся слюной, и ты готов был душу продать за кусочек пищи, стоящей на столе.

Беру вилку, все еще опасливо наблюдая за мальчиком. Его одежда в нескольких местах порванная, покрытая грязными застарелыми пятнами, засаленные волосы торчат в разные стороны тонкими пружинками. Матео пытается сосредоточиться только на мне, делая вид, что не хочет есть.

– Меня зовут Андреа, и я хочу поделиться с тобой своим завтраком, – говорю я и двигаю тарелку так, чтобы она стояла между нами. – Ты поделишься со мной пищей и пообещаешь больше никогда не шуметь с утра?

Он будто просит разрешение у остальных людей, находящихся в комнате, пока я накалываю на вилку кусочек копченой колбаски и яйцо.

– Обещаю, грасияс, – благодарит он меня. – Честное слово! – Его плечи расслабляются, как только из его уст произносятся слова, он тут же бодро наполняет рот, активно закидывая острую пищу. Я даже ловлю себя на том, что переживаю от того, что он глотает ее, не пережевывая. Химена подает мне стакан молока, который я тут же передаю ребенку. Вилка, все еще зажатая в моих пальцах, бестолково свисает на фалангах, убираю ее в сторону и беру из чашки яблоко.

– Откуда ты? – как только он заканчивает, я задаю вопрос, показывая, чтобы на стол поставили выпечку.

– На следующей улице живу. Наши окна напротив. – Ребенок откусывает пышную булочку, щедро политую карамелью. – Играл вчера перед вашим домом и встретил тебя.

Ему кажется это прекрасным объяснением того, почему он находится рядом со мной. Эрнесто подает мне свежий кофе, приготовленный в турке, бросаю кусочек тростникового сахара. Ложка замирает в пальцах, когда я ощущаю, что мне очень комфортно с Матео. Совсем как с Грантом... К черту.

– Твои родители на работе? – Он отрицательно качает головой, я слегка наклоняюсь.

– У меня только мама и бабушка. Отца давно уже нет. Но мы скоро с ним увидимся, – радость, с которой он это говорит, поражает. Ребенок вроде как рад походу на кладбище и смерти? – Ты же будешь здесь еще долго? Подождешь, пока мы с Хуаном разыграем мяч? – Я киваю ему с улыбкой. – Спасибо за еду. – Матео встает из-за стола и убегает прочь, будто его здесь и не было.

– Сделаем вид, что ничего не было. – Я вливаюсь в кружку с горячим кофе и, чуть не обжигаясь, отпиваю. Кэрри вздыхает, и я строго смотрю на нее. – Никаких высказываний. Он просто хотел поесть и все. И это не начало моей дружбы с оболтусом. И я все еще зла! Да!

Дверь снова хлопает со всей дури, я подпрыгиваю на стуле, пролив кофе себе на грудь. Зашипев от боли, с перекошенным от ярости лицом, я поворачиваюсь, чтобы увидеть милого мальчишку, сжимающего в трясущихся пальцах цветы, с корней которых падает на напольную плитку земля. Он подходит ко мне, убирает из моих рук кружку и вручает цветы со счастливой улыбкой на лице.

– Моя сеньора, – благоговейно произносит он, посылает мне воздушный поцелуй и убегает на улицу, привычно хлопнув дверью.

Кладу на стол цветы, осыпая все вокруг землей, и тереблю лепестки роз, пахнущих спелой малиной.

– У твоего Меллона никогда не было шанса, – как только Кэрри говорит это, то тут же прикрывает рот, поймав мой уничтожающий взгляд.

– Грант Меллон? Это тот, на которого ты меня променяла? – доносится голос Эрнесто, заставляя его тетю нарочито громко вздохнуть.

– Так это она твоя невеста, которую ты хотел привезти домой познакомиться? – спрашивает Эрнесто его тетка, у меня уже от этого хода их мыслей кружится голова. Мы будто в

мексиканском сериале; каждый уже сказал свою сакральную фразу, и мне необходимо сделать ход конем. Закончить на самой трагичной ноте, так, чтобы все ахнули от шока. Я подхожу к Эрнесто, беру его под руку и тащу к выходу, оставляя мою подружку и Химену смотреть нам вслед. Крепко вцепившись в него, разворачиваю мужчину к себе лицом.

– Ты говорил, что у тебя есть дела. Я поеду с тобой, только прекращай все это дерьмо, хорошо? Я никого не меняла, между нами ничего не было. – Он делает вид, что не удивлен моим словам, затем на его лице появляется довольная улыбка.

– Мы вернемся к этому разговору. Я приготовлю оборудование, буду ждать в машине, пока ты переоденешься. – Мы вместе поднимаемся наверх, практически соприкасаясь телами.

– Мне кажется, что все это искусно продуманный план, чтобы выпроводить меня из дома, – говорю я, остановившись около своей двери.

– Даже если и так, ты от этого ничего не теряешь. – Он открывает свою дверь. – Ты сделала хорошее дело, накормив Матео. Только не разбивай ему сердце, как поступила со мной.

Да что за ерунда! О чем он, черт возьми, говорит?! Я открываю рот, чтобы задать вопрос, но дверь закрывается за ним, не оставляя мне возможности. У нас не было особой романтики. Одна ночь, после этого я с раннего утра спокойно вернулась в свою квартиру, собрала вещи и уехала в то злосчастное путешествие в поиске души и ключа. Я ни разу не вспоминала Эрнесто, он был одним из многих, мужчиной, желающим помочь мне расслабиться. То, что он работал видео оператором и делал свою работу на «отлично», не помешало нам переспать и забыть об этом. Ну, как мне казалось. Сейчас, все еще стоя в коридоре и смотря на его закрытую дверь, кажется, мне есть, за что извиниться. В который раз.

Я не успеваю зайти в комнату, как двери открываются. Эрнесто со своей дежурной дружелюбной улыбкой останавливается напротив меня, показывая на сумку с видеокамерой и объективами.

– Если ты не поторопишься пропустишь вкуснейший фахитас у местного лавочника, я тебя приглашаю.

Последние слова выходят как-то интимно что ли, я киваю ему и перед тем, как зайти в свою комнату, решаю сказать:

– Это не свидание.

И закрываю за собой двери.

Я приехала сюда начать новую жизнь, а не новые отношения. Не хочу вспоминать, чем закончились старые. Застываю на месте, проведя параллель – я, Джаред и то, как настойчиво он хотел отношений. Длинный коридор в Вегасе и его улыбка... Теперь все мужчины для меня входят в круг подозреваемых, в том числе и Меллон. Именно поэтому я все еще не позвонила ему.

Глава 4

Эрнесто очень уверенно передвигается по улицам родного города. Не могу скрыть своего удовольствия от увиденного – старинные здания, красивая природа, привлекательная архитектура. Даже будучи маленьким и тихим городком, Куэрнавака привлекает своей неповторимостью, где еще можно увидеть разрушенную летнюю резиденцию ацтекских императоров, стоящую рядом с усадьбами богатых жителей. Я бы сказала, что здесь смешались несколько эпох, сосуществующих независимо друг от друга, и на удивление нет признака вандализма. Народ очень почтительно относится к старине, пожилым жителям и прошлому. Они как хранители традиций, передающихся из века в век.

Пока мы ехали в машине, мужчина рассказал мне, что Куэрнаваку основали индейцы тлауика. Эрнан Кортес и его конкистадоры сожгли город, а на разрушенных останках пирамид знаменитый покоритель Мексики построил два монументальных сооружения: дворец своего имени и церковь. Теперь эти местные достопримечательности, к которым относятся очень трепетно, являются местной гордостью. Огромный собор, служивший Кортесу как крепость, находится в окружении современных ресторанов, бутиков и популярного рынка, на котором мы остановились по случаю моего голодного желудка, решившего испортить все впечатление, вынудив меня вытащить свою задницу из машины. Я шла на заманчивый запах буритто, обливаясь потом и слюнями.

– У нас есть два варианта дальнейшего пути. – Эрнесто закидывает удочку, пока я заинтересованно оглядываюсь по сторонам, отвлекаясь на звуки, окружающих меня.

– Пока будешь озвучивать, я куплю нам еду. – Подхожу к уличному торговцу, почему-то мне кажется, что ресторан напомнит мне о другом мужчине из прошлого. – Можно мне буритто?

Такой типаж мужчины я называю истинным мексиканцем. Он худой, со смуглой кожей и жидкими смешными усиками. То, как он улыбается, меня не должно смущать, но это все же происходит. Есть какая-то определенная харизма у мужской половины Мексики. Они наглецы по своей натуре, будто заглядывают под твою одежду, даже не раздевая.

– Красавица, ты уверена, что не хочешь попробовать чимичанга или энчилада? – спрашивает мужчина, надевая перчатки на руки, и тянется к еде в закрытой термос сумке.

– Что я должна выбрать? – Оглядываюсь на Эрнесто, взмахивающего рукой в сторону машины. – Что это значит?

– Бери все, если ты не съешь, я тебе помогу. Кажется что-то с машиной. – Он протягивает продавцу деньги, бегло говоря по-мексикански, и уходит.

Мужчина еще более заинтересованно рассматривает меня, упаковывая еду. Я притопываю ногой в такт тихой мелодии, раздающейся где-то поблизости.

– Эрнандес решил жениться? – Он передает мне бумажный пакет, засовывая сверху множество салфеток, я чуть не роняю все на пол. Если бы не он, сейчас пришлось бы выкинуть все. – Он всегда страдал малинчизмом.

– Чем? – растеряно произношу я.

– Мы любим иностранок, вы новая кровь. Красивые, интересные, как деликатес. Жениться на иностранке очень престижно. «Малинчизм», что значит «любовь ко всему иностранному». Эрнесто много путешествовал и не удивительно, что привез тебя, – объясняется мужчина, вводя меня в еще больший ступор.

– Вы ошибаетесь. – Я вспоминаю слова отца, он говорил, что бесполезно доказывать кому-то свое мнение, если уже сделаны выводы. Смолчать – значит не согласиться, но и не слыть лгуном. Пусть человек сам решает, как ему удобнее. – Грасияс, – благодарю продавца и направляюсь к Эрнесто, копающемуся под капотом машины.

Когда я подхожу ближе и вижу темную рубашку, с закатанными до локтя рукавами, мир будто застывает. Профиль, который будет появляться перед моими глазами вечность: серые глаза и туманный мир, скрытый за ними... Все напоминает о нем, и я не знаю, это мое проклятие или счастье встретить его однажды.

– Ты сейчас уронишь наш обед, – до меня доносится чужой голос, и я вынырываю из своих грез, крепче вцепившись в пакет. – Теперь еще и чили выдавишь, я не люблю облизывать пакеты, а ты?

Эрнесто громко захлопывает капот, вытирает руки об маслянистую тряпку, обходит машину и засовывает ее в дверной карман. Тянется к ключу зажигания и прокручивает, некоторое время слышится характерный треск, будто внутри стучат трещотки, ударяясь друг о друга. И ничего. Я осматриваю людей, с интересом наблюдающих за нами, моя скованность и некоторое время, проведенное с ограниченным количеством людей, заставляют мои ладони жутко потеть. Мужчина возвращается ко мне и вытаскивает с силой сжатый пакет из моих крепких объятий.

– Нам придется прогуляться. – Он становится так, чтобы я смотрела только на него, перекрывая для меня местных жителей. – У тебя не получится здесь закрыться и исчезнуть. И не стоит этого делать. Ты рядом со мной, и я тебе обещаю, что ничего не случится. Доверься мне.

Я неуверенно тянусь к солнечным очкам, любезно протянутым мне, надеваю их на себя. Выдохнув, позволяю себе расслабиться. Отрешение иногда играет злую шутку, будто внутри меня шумиха, зажатая в грудной клетке. Считанные секунды, и это волнение разорвет меня, оставив мелкие куски. Не представляю, как с этим справляются публичные персоны, пусть сейчас я не под прицелами камер, но абсолютно каждый, находящийся в пределах мили, успел осмотреть меня с ног до головы и сделать свои предположения. Каждая улыбка кажется лживой, благодаря Джареду и тому, что он совершил. Любой прохожий думает только о том, как причинить мне еще больше боли. Единственный заслуживающий доверие пошатнул его, появившись в тот день в клинике, и этот кристалл... Эрнесто с его «доверься мне». Я запуталась!

– Думаю, тебе понравится жареный во фритюре чимичанга. Энчилада утопает в чили, учитывая, что ты не хорошо переносишь острое, посмею забрать его для себя. – Он протягивает мне еду, завернутую в тонкую бумагу, кладет мою руку себе на локоть и делает шаг вперед. – Я покажу тебе несколько мест, они тебя должны заинтересовать.

Он сворачивает на улочку, сторона которой является теневой. В то время как по солнечной идет толпа туристов, тщательно смазанные солнечным кремом. И теперь я замечаю, что только люди, живущие в таком райском уголке с вечной теплой весной, не воспринимают солнце как чудо, не греются в его лучах. Многие из местных прикрываются солнечными зонтиками с весьма странными и безвкусными рисунками, но все они яркие и бросаются в глаза. Я белая ворона с бледной кожей, как узница или пленница, не видящая солнца годами. В этом есть своя правда, но не оправдание моему поведению.

Откусываю бесконечно вкусную еду, мой желудок радостно извещает меня громким одобрением. Хрустящая корочка, овощи, в равной доле разбавленные с соусом, и вкусная говядина. Это напоминает барбекю на заднем дворе, когда на решетке прожариваешь стейк и добавляешь соус дьяволу. Я мычу, пока пережевываю, кусаю, как голодное животное. Эрнесто, видя мою реакцию, наклоняется и делает вид, что сейчас откусит. Я толкаю его в плечо, чуть не уронив начинку, словно дикая, вгрызаюсь, вымазав уголки рта. Прожевав остатки еды, я быстро хватаю его руку и откусываю кусочек от энчелада. Не успев среагировать, Эрнесто начинает смеяться, останавливая меня за руку так, чтобы я стояла прямо перед ним.

Очень медленно, будто боясь меня спугнуть, подушечками больших пальцев он проводит по уголкам моего рта, аккуратно приближаясь к моему лицу. Наши губы почти соприкасаются, когда я отворачиваюсь, позволив ему прикоснуться к моей щеке.

– Почему? – сдавленно спрашивает он.

– Не надо все портить. Ты просил доверять тебе, а подобное не способствует.

Забираю у него из пакета салфетки, вытираю рот и выкидываю их в ближайшую урну, продолжая идти как ни в чем не бывало. Как объяснить ему, что наш этап уже пройден? И если я начну с ним отношения, случится все тоже самое, что и с Джаредом. Я не могу плясать на граблях, не хочу больше обжигаться, падая телом в костер. Это все осталось в далекой Канаде. Я не чувствую ровным счетом ничего, сравнивая с другим мужчиной. И все больше начинаю не доверять.

– Откуда этот звук? – спрашиваю мужчину, который с трудом скрывает свое разочарование.

Мне тоже не очень приятно от сложившихся обстоятельств, я все больше считаю катастрофичной свою идею приехать, и, попросив помощи старого знакомого, ситуация становится неудобной для нас двоих. Ощущение повторения ошибки не оставляет меня.

– Там рынок, и местные музыканты готовятся к вечернему концерту. – Он выкидывает остатки еды, подходит ко мне ближе, все так же выставляет локоть, я раздумываю, поддаваться ли на его уговоры. – Я тебя понял, больше попыток не будет. Не хочу потерять твое доверие.

Хватаюсь за него, как за якорь, и продолжаю медленную пешую прогулку, когда перед нами, наконец, появляется дворец. Крепкое строение со старинными камнями выглядит величественным и грозным. Ровные стены с одинакового размера огромными кирпичами вырастают по мере того, как мы приближаемся к нему. Я с интересом рассматриваю и прикасаюсь к гладкой поверхности, – на вид она очень прочная – нет сколов и разрушений.

– Ты сказал, что здесь был пожар? – Отхожу от него и веду обеими руками по камням. Обычно, когда ты ощупываешь строение, оно сыпется, в отличие от этой крепости. – Какого она года?

– Строительство именно этой двухэтажной каменной крепости, которое стоит на основании разрушенной конкистадорами пирамиды, длилось с тысяча пятьсот двадцать пятого по тысяча пятьсот тридцать второй годы. – Я в уме прикидываю, сколько примерно прошло времени, без конца прикасаясь к холодным камням.

– То есть на этом месте была изначально пирамида? – заинтересованно спрашиваю его.

– Пирамида – змея, как и множество подобных. По легендам, Кортес уничтожил их и строил свои резиденции. – Он отходит от меня к стене, видимо увидев что-то интересное.

Я исследую каждый камень, мне не удастся избавиться от своих навязчивых мыслей, как любому исследователю, раньше приходилось сталкиваться со старинными зданиями. И наметанный глаз сразу замечает расхождения. У меня возникают вопросы, на которые мужчина явно не сможет мне ответить. Но то, что я вижу перед собой, не выглядит строением, съеденным огнем, камни оплавилась, как будто это сделала атомная бомба, которую на тот момент еще не изобрели. Да и камни, как те, что я видела в Египте и на Крите, слишком гладкие и ровные. Вопросы роятся в голове, как безумные пчелы, которых потревожили и пытаются обмануть. Змеи... Медная земля... Что, если отец подсказывал мне, и то, что казалось сказкой, не являлось ей? Вернувшись к Эрнесто, я замираю на месте при виде объявлений о пропаже детей. Они развешаны так, что для того, чтобы увидеть прошлые, надо поднять несколько слоев свежих. Их слишком много.

– Хоть один из этих детей вернулся домой? – с горечью спрашиваю его.

Передо мной множество лиц, их не сосчитать, стена крепости выглядит стеной горя, плача, когда родители и родственники ищут своих потерянных малышей. Возраст, судя по фотографиям, самый разный, но не старше семи лет.

– Еще ни один не вернулся. Даже спустя годы родители меняют бумагу, проверяют, есть ли их ребенок, вдруг кто-то из туристов видел, – отвечает он и показывает мне на внутренний двор крепости. – Мы можем зайти внутрь, здесь расположен краеведческий музей исто-

рии штата Морелос. Там находятся работы мексиканских художников, потрясающие фрески, показывающие всю жестокость и вероломство завоевания Мексики.

Не раздумывая, я прохожу мимо огромных деревянных врат внутрь двора, пол которого усыпан символами, которые, переливаясь на солнце, отдают золотом. У меня не остается сомнений, что здесь спрятана какая-то загадка, разгадать которую невозможно из-за давности лет. Во дворе по обеим сторонам от широкой дорожки растут агавы, и трава кажется еще более зеленой и ухоженной, чем в центре города. Люди с интересом фотографируют местную достопримечательность, будто не видят очевидных вещей. На арке перед входом в основное здание висит перевернутый символ, который я где-то видела. Здрав голову, я снимаю очки и пытаюсь разглядеть, что именно изображено. Эрнесто кладет руку на мою талию и одновременно заходит внутрь со мной.

Фрески, расположенные в самом начале, изображают кровавую бойню с испанцами, которые напали на мирных жителей. Есть одна маленькая странность: длинные одеяния нападающих и расположение ног. Неестественная поза, будто они опираются не на ноги, колени которых спрятаны под тканью. Может показаться, что под балахонами спрятаны орудия. Или хвосты... Расстояние, на котором можно рассматривать, ограничено, и мне вполне может все это показаться. Я вытаскиваю телефон и навожу на картину, пытаюсь увеличить изображение. Как только я это делаю, к нам подходит мужчина со строгим выражением лица, показывает на часы, висящие на стене. Бегло говоря по-мексикански, он остается непреклонен, буквально выставляя нас за порог. Последнее, что делаю, это нажимаю на кнопку, делающую фото, и выхожу следом за Эрнесто.

– Ты ничего странного не замечал на этих картинах? – спрашиваю Эрнесто, когда мы бредем через двор по символам на выход.

– Это древнее строение, я не архитектор. По подобным вещам ты у нас специалист. – Я останавливаюсь около очередного символа и фотографирую его на телефон, затем делаю еще несколько снимков. – Знаешь, что я заметил?

Я поднимаю голову, прекращая смотреть себе под ноги, все больше погружаясь в свои мысли, когда он возвращает все мое внимание к себе.

– Просветишь? – отвечаю вопросом на вопрос.

– Мне стоило вытащить все провода из бензонасоса, чтобы вернуть тебя настоящую. И для этого необходимо показать тебе неисследованное тобой место и заинтересовать. – Его красивое лицо светится от счастья, я предупреждающе выставляю указательный палец перед собой, когда он раскрывает свои руки, предлагая жаркие объятия. – Это радость, мы любим обниматься и показывать свои чувства. Так что привыкай.

Его руки обвиваются вокруг меня, крепко сжимая в объятиях, он поворачивает меня так, что мое лицо сталкивается с сотней других, изображенных на объявлениях. Все эти дети смотрят на меня, наводя дикий страх на мою душу. Я хлопаю по спине Эрнесто и освобождаюсь от него. Взглянув последний раз на щемящие душу бумаги, я поворачиваюсь в направлении музыки. Есть один маленький плюс в отказе от алкоголя, ты начинаешь больше чувствовать, видеть и слышать. А те волнующие звуки гитары, доносящиеся неподалёку, зачаровывают.

– Хочешь потанцевать? – все еще сыплет вопросами мужчина.

– Я хочу посмотреть, как это быть счастливым человеком. Пока я снова не вернулась в свой кокон, – улыбаюсь ему и тяну на рынок, где началась подготовка к концерту.

Глава 5

Прошла неделя с момента нашей первой прогулки, и я начала привыкать к обычной жизни в этом маленьком городке. Постепенно приходила в себя, уже не переживая о том, что все на меня пялятся, и мне даже показалось, что я стала своей среди чужих. Мне продавали продукты, осыпали комплиментами, приглашали на вечерние концерты с танцами. Соседи приходили к нашему дому все чаще, уже не рассмотреть обезьянку, привезенную из Америки, это я о себе так ласково. Они хотели стать мне другом, показать, как у них здесь здорово, ну и, естественно, предложить что-то для покупки. Люди все делали своими руками и делились на сословия, любой заработок был для них весомым. Поэтому мне приходилось постоянно контактировать с этими бесконечно болтливыми людьми, замечу, не без удовольствия. Я поражалась их отношению к жизни, радости от всего происходящего и огромное поклонение еде. Это какой-то культ, особое отношение к острым перчикам и соленым огурчикам. Жизнь кипела, как вода в котелке, и я была в центре этого бурлящего содержимого, как особый ингредиент. Хочу заметить, что ко всему привыкаешь – у тебя просто нет другого выхода. И зачастую твои проблемы и привычки обязательно кто-то разрушит, разобьет привычный уклад жизни, внося свои коррективы.

К чему я так издалека? Время девять часов и пятнадцать минут, утро не задалось с самого начала, и виной тому кто? Конечно, Матео. Этот ребенок вообще спит когда-нибудь? Ну, хорошо, можно допустить тот самый монотонный стук или даже визг. Я бы закрыла двери на балконе, готовая сжариться от утреннего палящего солнца и духоты... Готова даже приобрести беруши в ближайшей аптеке, до нее, кстати, далеко идти, но и это не является проблемой.

Сегодня он решил, что этого мало, и запустил мне в окно футбольный мяч. Круглый предмет влетел в балконную дверь, разбив стекло вдребезги. Еще до конца не проснувшись, я подскочила, как ненормальная, с кровати и упала на пол, закатившись под нее, ожидая нападающих, грабителей, да кого угодно, но никак не маленького влюбленного поганца, подобным образом вызывающего меня на свидание.

И вот теперь мы с ним сидим за столом и смотрим друг другу в глаза. Наши взгляды схлестнулись минут десять назад, и никто не хочет проигрывать. Перед нами стоят тарелки с завтраком и остывают, но сейчас гораздо важнее понять, каким образом объяснить ему, что так поступать нельзя. Я могла бы взять его за ухо и отвести бабушке или маме на работу, но тирания не является оружием. Точно так же, как и физические увечья, ремень, веник или такой популярный здесь обычный домашний тапок на резиновой подошве.

Если вспомнить короткое знакомство, практически с каждым проживающим в моем районе, пролетающий перед твоим лицом тапок говорит о том, что кого-то в доме воспитывают, и когда следом выбегает нашкодивший ребенок, все вопросы отпадают.

Благодаря Матео я познакомилась чуть ли не со всем городом за довольно короткий срок, в том числе и со всей его семьей, не без курьеза, конечно.

Парнишка реально решил, что у него есть будущее со мной, сделав вид, что он сломал себе ногу, и не мог идти. Я несла его на руках, пока он обнимал меня за плечи и упирался своим маленьким подбородком мне в сиськи. Не думаю, что это законно, но мне хотелось скинуть его на землю и уйти прочь. Естественно, как нормальный адекватный человек, я помогла ему, передала матери, но вот убежать не успела. Он нес какую-то чушь о любви, о бабушке, которая старше дедушки. В итоге сошлись на дружбе и мире только благодаря природной болтливости его мамы. После тех событий я уже даже подумываю о том, чтобы симулировать отношения с первым встречным. Даже если это будет коротышка Хуан, живущий через дом. Но не буду кривить душой, этот ребенок будоражит все мои нервные клетки, и я бегу из дома на улицу, лишь бы хорошенько ему не всыпать.

– Сеньора Андреа, – в кухню заходит Химена, – стекольщик сказал, что придет завтра.

– Маньяна, – поясняет мне Матео, теперь он считает, что просто обязан меня обучить своему языку, – и он не придет ни завтра, ни послезавтра. Маньяна, это когда обещаешь, но не выполняешь.

– Не перебивай взрослых, – отвечаю ему, у меня огромное желание отвести глаза, но тогда можно ждать его очередной выходки. – Ты еще маленький, чтобы встречать во взрослые разговоры.

– Я уже мужик! – его писклявый голос режет мои перепонки. – Хочешь, съем острый перец и даже не стану запивать его молоком?

– Цыц, – шикаю на него и обращаюсь к домработнице. – Если стекольщик сказал, что придет завтра, как я буду спать сегодня? Эрнесто уехал в Мехико, у него есть москитная сетка, инструменты?

– У меня есть, я помогу тебе, чика, только ты будешь обнимать меня, чтобы я не упал, – пацан снова нагло перебивает меня, и я вздыхаю от отчаяния. – О, кажется, моя мама идет в гости.

Я машинально оглядываюсь и слышу задорный смех сорванца при виде моего испуга. Готова обходить эту женщину огородами, если она появляется перед тобой, того и гляди зацепится языками так, что не отдерешь. Он меня надул и рад этому, клянусь, однажды я подсыплю ему больше перца или надеру задницу... словесно.

– Молодец, но справлюсь без тебя, а теперь быстро ешь и иди гулять, – я говою максимально строго, указываю на двери дома, в котором сейчас живу. – Ты не можешь разбивать мои окна, ломать двери, понимаешь? А сейчас, будь добр, помолчи, я хочу спокойно позавтракать, выпить этот чертов остывший кофе, пока на нас не упало небо. – Ребенок смотрит на потолок, и я громко стону, как же с ним тяжело.

Мальчик уплетает за обе щеки еду, а я лениво разрезаю ножом яйца и наблюдаю, как растекается желток по тарелке. Мне необходимо вернуться в город и утолить свой исследовательский голод, покопаться в загадках, которые у всех на виду, но никому нет до них дела. Чувствую себя заржавелой, отставшей от жизни. И эту жажду нужно утолить, а интерес разжечь.

Убрал за собой посуду, я встаю рядом с Хименой, ожидая, когда ребенок закончит. Время тянется бесконечно долго, даже тихо тикающие стрелки на часах начинают раздражать, я ведь все еще стою в пижаме и халате, надетом поверх нее. Моя прическа выглядит самым ужасным образом, а зубы требуют хорошей чистки. Этот маленький монстрик выбивает меня из нормального ритма жизни – он был дьяволенком в теле человека, намеренно портящим мое существование. Когда Матео, наконец, встает, Химена забирает у него тарелку, с грозным видом указывает на дверь, и эти очаровательные глазки-блюдца держат меня на мушке. Я скрещиваю руки на груди, нервно поправляя халат. Господи, хорошо, что ты не дал мне детей, я была бы самой бесхребетной и все дозволяющей матерью.

– Матео, не смотри на меня так. Я не хочу, чтобы ты навредил себе. Все, что ты делаешь, может привести к ужасным последствиям. Пойми, – его глаза наполняются слезами, и я присаживаюсь перед ним на корточки, – я взрослая для тебя. Когда ты вырастишь, я покроюсь морщинами, как твоя бабулита. И ты будешь разочарован в своем выборе. Могу предложить тебе дружбу и совместный обед каждый день. Тебе должно быть стыдно за свое поведение.

– Ты меня не любишь? – его голос дрожит.

Я поднимаю голову и встречаю огромные печальные глаза Химены, она осуждает мое поведение, так как делаю больно ребенку. Одними губами она произносит «валорес», то есть ценности. Всех детей в основном обучают по Библии. Мексиканцы рассказывают про чувство справедливости, про ответственность за свои поступки, уважение к другим людям. Мне казалось, что это и так нечто само собой разумеющееся, а вот в Мексике на эти темы воспитания делается особый упор. Дети должны чувствовать любовь к себе, и видя, как его мать с утра

до ночи работает, видимо, ему просто не хватает этого внимания. Я не могла ему соврать и сказать, что люблю его. У меня еще не было времени задавать этот вопрос себе, а обманывать не умею. Переступив через себя, я отодвигаю мальчика подальше от себя и заставляю посмотреть мне в глаза. Какая-то боль появилась в груди, жалость к нему и себе. Мы идем к входной двери, как всегда открытой настежь.

– Если ты не будешь меня слушать, я уеду, – совершенно серьезно произношу, он должен отчетливо понимать, кто я для него. – Я твоя соседка, у меня есть личная жизнь. Сон, который ты постоянно прерываешь, и окно, которое теперь некому сделать. Ты мне нравишься, но любит тебя твоя мама. Не я.

Чистая слеза скатывается по его смуглой щеке, агатовые глаза блестят, наполняясь влагой. Его детское лицо искажается от обиды и разочарования, рукавом он стирает слезы, размазывая темные пыльные следы на щеках, и отходит от меня, не прерывая зрительного контакта.

– Ты предатель! – громко кричит он. – Плохая!

Эти слова больно вонзаются в мое сердце, я никогда не слышала их по отношению к себе. Старания и тот трепет, с которым я к нему относилась, и чем он отплатил. Ненавистью! Иду ему навстречу, желая утешить, но мальчик выскакивает за ворота, сбив ничего не понимающую Кэрри с ног. Ее пакеты падают на пол, она резко окликает ребенка, который уже повернул за угол.

– И что это с ним? Какая муха его укусила? – Я помогаю ей собрать продукты в сумку.

– Не спрашивай, и так тошно, – отвечаю я и становлюсь объектом внимания всех детей в округе, они смотрят на меня, как на монстра. – Пойду в дом.

Химена отступает в сторону, дав понять этим, что она тоже в каком-то смысле не согласна с моим поведением. Но мне никогда не принять эту свободу, которой наделяют своих детей мексиканцы. Они с большим уважением относятся к своим родителям и старшему поколению, но так безалаберно к младшему поколению. С рождения ими занимаются няни, с младенческого возраста они не видят своих матерей. И это не потому, что они плохие, нет. Для поддержки более низких сословий им нужна работа, матери нужны финансы для содержания малыша. Все вроде просто, но в итоге получаются совсем неприятные вещи.

Я за это время еще ни разу не видела, чтобы мать, та, которая играет важную роль в семейном укладе, к слову, которой прислушиваются, воспитывала своих отпрысков. Причем дети слушают свою маму до старости, что привносит некоторые проблемы в их собственные семьи. По мне, это образец того, как нельзя относиться к потомству, их не заботит, что он сегодня ел, пил ли колу, ползал ли он по грязному полу и не вымыл руки.

И мне очень жаль, что никто не объяснил Матео, что человеческая доброта и его детская влюбленность никак между собой не связаны. Я не приглашала его в свой дом, а уступила в его желании находиться здесь, играть с другими детьми в нашем дворе. Да и кто меня спрашивал? Тут нет понятия собственности, мы живем с раскрытыми дверями, и каждый желающий переступает черту. Расстроившись из-за случившегося с ребенком и одновременно разозлившись на себя, я иду в свою комнату и усаживаюсь на кровать.

Мелкие осколки разбитого стекла все еще поблескивают, играя с солнечными лучами, Химене не удалось собрать их все. Вот еще одна особенность местных жителей – они убирают дома щетками, хотя можно спокойно приобрести пылесос. Пусть социальные слои разные, но и цены, соответственно, тоже. Хватает того, что они не снимают обувь в доме. Раздражение накапливается, превращая меня в мигающую лампочку, готовую взорваться от перенапряжения.

Снимаю с себя вещи и переодеваюсь в свободные штаны и растянутую футболку; мне необходимо привести свои мысли в порядок. Справившись с волосами, поправляю на себе одежду и обуваю кроссовки. Пусть это будет пешая прогулка, и плевать, сколько времени это займет, сидеть здесь, ожидая, когда все мамы соберутся меня линчевать.

Спускаюсь быстро по лестнице, в дверях замечаю Кэрри, беседующую с Хименой, по их поведению сразу понятно, о чем шла речь, обе чувствуют себя неловко.

– Не знаю, что сделала не так, но чтобы вы понимали, я не обязана внушать ему и потакать его капризам. Это не мой ребенок, – резко говорю им. – Я знаю, что их семья еле сводит концы с концами, и именно поэтому сносила все его дрянные поступки, разрешала находиться здесь, сколько ему угодно, и кормить. Это не благородство! Не желание стать значимой! Мне тоже было тяжело войти в этот круг общения, и он помог мне справиться с желанием уединиться. Но доброта сработала не верно. – Сжимаю губы, они все равно не поймут меня.

– Не стоит расстраиваться, он походит и вернется. – Кэрри встает рядом со мной. – Дети быстро привыкают к хорошему. И он тебя не ненавидит.

– Ему шесть лет, и он один шатается по городу, – бубню я и в смятении оглядываю улицу. – Может надо его догнать?

– Наши дети всегда находят дорогу. Не переживайте, сеньора, вы его обидели, но он простит, – отвечает Химена, отгоняя детей, стоящих перед нашим домом с открытыми ртами. – Идите отсюда, все нормально. Давайте, идите.

Еще раз оглядев всех вокруг, я прохожу сквозь плотное кольцо детей, кажется, что они не правильно оценили ситуацию, и что сейчас они придумают в своих маленьких головах, неизвестно. Я настолько устала от этой эмоциональной качели, что с радостью шла вдоль по улице все дальше от дома, в котором бесконечно случалось что-то выводившее меня из себя. Хотелось свободы, спокойствия и уравновешенности, а не вечных переживаний о ребенке, который не является мне родным.

Успокоиться мне помогает исследование местности, и я знаю, какое направление мне выбрать.

Глава 6

Я брела по улицам в одиночестве, чтобы, наконец, увидеть что-то интересующее меня. Хотелось выкинуть из головы маленькую ссору с ребенком. Вроде ничего такого не произошло, но осадок после небольшой стычки плотно засел во мне, нервируя. Может это скопилась усталость от нового образа жизни, или попросту я не могла смириться с тем, что обидела человека. Будь это взрослый, наверняка прошла бы мимо и не обратила внимание на произошедшее. Но сейчас я переживала и была намеренна с утра поговорить с Матео, может даже попросить прощение за резкие слова, объяснить.

Моя мама считала, что ребенок настолько беззащитен, каждая фраза пропитывает его полностью, он растет на словах и действиях других. И если не правильно распределить свое внимание и обязанности перед ним, произойдет перевес. В данном конкретном случае именно это и происходит.

Прогулка затянулась на долгие часы, я даже не заметила, как солнце уже перестало так обжигать мою кожу. Прогулявшись вдоль собора и крепости, естественно не заходя внутрь, продолжила свой путь по каменной дороге, ведущей на холм. Куэрнавака выглядел, как огромная деревня с множеством тропинок, ведущих от центра к окраине и обратно. Рассматривая новые здания, стоящие вдоль улиц, меня заинтересовали их основания. Фундамент отличался по цвету и структуре, так, словно изначально снесли здание и построили новое. Но если думать логически, тогда каждый из этих домов стоит на руинах пирамид?

Мне приходится остановиться, стоит запнуться об развязавшийся шнурок. Пропускаю проходящих мимо людей, становлюсь ближе к коттеджу и ставлю ногу на его выступ. Согнувшись пополам, я стягиваю длинные шнурки в красивые узлы, обращаю внимание на мелкий рисунок, расположенный на камне. Пальцами провожу по символу, стирая мелкие крошки цементной смеси. Ящерица или рептилия, перевернутая вверх ногами. Наклоняю голову немного в сторону, приближаю лицо, убеждаясь – символ рептилии. Именно такой я видела в крепости и на дорожке перед ее входом. Выпрямляюсь и начинаю оглядываться по сторонам в поисках того, что я упускаю.

Мой отец рассказывал о медном городе рептилий. Конечно, когда он доносил эту историю до меня, смягчил такие вещи, как поедание человеческой крови и плоти этими хладнокровными, и рептилии изначально представлялись драконами. Но это было скорее для впечатления и сказочности. Что, если Куэрнавака именно этот самый город? Может отец хотел однажды исследовать его или отправить меня? Надо свести нити. Руины, пирамиды, символы и Джаред каким-то образом связаны с Психеей. Но было что-то еще.

Я мгновенно переключаюсь на поиск интересующих подсказок, пока в голове еще не сложилась картинка, что именно я ищу, но это был вопрос времени, которого у меня полно. Иду вдоль улицы, замечая очередной символ на доме, они словно помечены. Присаживаюсь и фотографирую на телефон, дома надо будет разобраться, что именно это все обозначает. Перед глазами мелькает множество подсказок, доступных для человека, но проходящие люди не обращают внимания. Вспоминая рассказ Эрнесто о крепости, которые уничтожил конкистадор, борясь со змеями. Эта не состыковка меня сбивала, именно поэтому я не обратила внимания на все то, что окружало меня. Все было связано между собой: город, картины, рассказ моего отца и душа Психеи... или кристалл?

Ускоряю шаг, взгляд цепляет перевернутые символы то здесь, то там, пока их не становится больше, и все дороги ведут меня...

– Теопансолько, – выдыхаю я тихо, – храм, посвященный Тлалоку, богу дождя.

Это то самое место, появившееся в последствие землетрясения два года назад. Тогда по какой-то причине природа будто поднимала на поверхность сокровищницы, спрятанные

глубоко под землей. Таким образом, примерно в это же время обнаружили храм в пирамиде Теопансолко. Об этом я узнала у Эрнесто, так как время подобного открытия выпало как раз на момент моего уединения в больнице.

Аккуратно спускаюсь вниз по дощатым лесенкам, оставленным отнюдь не для туристов. Скорей всего, при проведении экспедиционной работы все так и осталось на своих местах. Первое, что бросается в глаза, это невероятной красоты зеленая трава, покрывающая всю территорию прямо вокруг храма. Странность в том, что термометр в этих местах зашкаливает, и ни один солнцезащитный крем не способен спасти кожу от бронзового загара. Никто из местных не устанавливал поливочную систему или правильный уход. Плотный слой травы, без единой вмятины или пустыря. Я наступаю на хрустящий плотный покров, надвигаюсь все ближе к древним руинам. Камни все помнят, так говорил отец, именно поэтому я останавливаюсь и рассматриваю стены и, видимо, не зря.

– Папа, так значит, это была настоящая история. И что же я должна сделать? – Я изучаю камни, прикасаясь к каждому, которому могу дотянуться. Разрушения колоссальные, то, что называется руины, и нет никаких сомнений, что здесь была нога человека, как только я поворачиваю влево и нахожу вход в пирамиду.

Во рту пересыхает от ощущений, прохлада мягко обволакивает мои обгоревшие плечи. Археологи оставили деревянные доски, ведущие вниз. Хватаюсь руками за выступающий камень, обломанный на основании, и медленно опускаюсь в темноту. Выудив из кармана телефон, включаю фонарик и осторожно иду по узкому коридору. Стены очень близко между собой расположены, мне приходится двигаться медленно. Задрав голову вверх, у меня только один вопрос: под какой рост строили этот проход? Метра три, не меньше. Спотыкаясь на обломках, сканирую помещение, больше напоминающее длинный узкий вход. Я потрясено приостанавливаюсь перед вырастающими стенами из другого материала, они более аккуратные, и состав отличается от прежней, как и уровень повреждения. Кроваво-красные кирпичи один за другим выстроены в идеальный ряд на всю глубину вниз. Это отдельный храм, построенный намного раньше.

Держусь одной рукой за камень и свечу фонариком на разряженном телефоне, ничего не видно, тогда я пинаю маленький камушек и прислушиваюсь, когда тот ударится об дальнюю стену. Ничего, будто нет у тоннеля не начала, не конца. Строения, скорее всего, принадлежат ацтекам, как и многие расположенные на территории Мексики. Телефон отключается, мой интерес не удовлетворен, но ничего не поделаешь. Убираю его в задний карман и двигаюсь на ощупь.

Возвращаюсь спиной вперед, размышляю над тем, что здесь наверняка жили очень худые люди. Они должны были каким-то образом проскальзывать внутрь отдельного храма, так как проход слишком узкий для обычного человека. Одна моя нога застревает между камнями, выпавшими из стены. Наклониться нет возможности, кроссовки конкретно увязли в трещине. Без возможных вариантов для выбора, освобождаю ногу из обуви и замечаю рисунок, появившийся перед моим лицом, благодаря удачно упавшему лучу естественного света. Вся стена испещрена множеством символов, изображения летучей мыши, паука и тот самый, который встречается мне слишком часто. Понимая, что у меня нет возможности сфотографировать, я выхожу из пещеры, оставшись практически босой. Солнце медленно опустилось за верхушку пирамиды, темная тень падает на яркую траву и исчезает, погружая весь город в сумерки. Яркая луна, как патрульный, возвышается над этим местом, устрашая и предупреждая.

Отхожу на небольшое расстояние и снимаю единственный кроссовок, оставшийся на ноге. Деревянные ступеньки усыпаны мелкими насекомыми, больше напоминающими термитов. Наступать босой ногой на них опасно, поэтому я решаю забраться по склону, но стоит мне зацепиться за траву руками, как я слышу это снова. Голоса в моей голове, они перешептываются и переходят на крики, голова начинает жутко кружиться, я оседаю на траву, обессилен-

ная. Фоном идет шипящий звук, он настолько громкий, что мне приходится закрыть уши и сжать с силой голову. Он похож на оружие массового действия, когда твое тело не слушается тебя, в душе поселяется паника и страх быть обездвиженной.

Я чувствую свое глубокое дыхание, слабость заставляет меня лечь на прохладную траву и закрыть глаза. Будто примагниченная к этому месту, не могу заставить себя двигаться и перестать слышать шипение. Мое сердце пропускает удары, острая боль под лопаткой и онемение рук – это все приводит меня в дикий ужас. Из последних сил я привстаю и ползком забираюсь на деревянные лестницы с насекомыми, они ползут по моей одежде, проникают в волосы и кусают. Каждое движение причиняет мне нестерпимую боль, локтями отталкиваюсь от последней лестницы и падаю навзничь, поднявшись наверх.

– Что это, черт возьми, такое?! – Поднимаюсь через силу и принимаю вертикальное положение, на подогнутых ногах делаю шаги, постепенно удаляясь от этого места. Я не чувствую боли от врезающихся в стопы камней, со стороны может показаться, что я изрядно напилась. Меня качает из стороны в сторону, пока я, обнимая себя за плечи, бреду между улицами в поиске правильной дороги. Город-лабиринт путает меня все сильнее. Все кружится вокруг, не могу разобрать, где именно сейчас нахожусь. Люди, проходящие мимо, горланят свои песни, музыка превращается в демонические звуки, лица замедленно искажаются, превращаясь в гримасы. Будто под сильнодействующим препаратом голова становится еще более тяжелой. Окончательно лишившись сил, я сажусь на тропинку, опираясь спиной на дом. Я расслабляюсь и позволяю ощущениям обрушиться на меня, захлестнуть по полной. Потеряв счет времени, я не могла больше контролировать себя и держать тяжелое тело, провалившись в бездну, я искала путь назад, но все тщетно.

Толчок, затем еще один, резкий запах, и я с трудом раскрываю глаза, чтобы увидеть столпившихся прохожих, обступивших меня со всех сторон. Мужчины и женщины роптали на мексиканском, пока я не остановилась на Эрнесто. Его темные глаза отражали печаль и переживание, я будто чувствовала его эмоции.

– Андреа, ты можешь встать? – Эрнесто берет меня за руку, но опускает, видя, что я не двигаюсь. – Я отнесу тебя домой, подожди немного, доктор уже в пути. – Я слушала его голос и хотела что-то сказать, но из меня вырвался нечленораздельный звук, который был не понятен для моих ушей. Нечто больше похожее на неизвестный диалект, лепет.

Он подхватил меня на руки, помогая мне удерживаться горизонтально. У меня не получилось обхватить его шею, так как в теле было странное онемение, обмочись я в эту самую минуту, точно не смогла бы почувствовать. Я снова открыла рот, и из меня полились бестолковые звуки, мои глаза расширились. Что, если у меня сейчас случился инсульт, я мозгами понимаю, но сказать не могу. А если я останусь недвижимой на всю жизнь? Господи! Смыкаю веки, внутри меня все сжимается от страха.

– Не надо плакать, ми аморе. Все хорошо, у тебя рана на ноге, надо ее срочно обработать и остановить кровь. Где же ты была все это время?! Я с ног сбился искать тебя, – говорит мужчина, – еще немного осталось, два дома и мы на месте.

Все, что мне остается делать, это моргать. Он почти бежит со мной на руках, пока я вишу на нем, сокрушаясь над тем, что мне страшно. Мой отец всю жизнь был инвалидом, и в данный момент я чувствую то же самое, что и он. Немощной, беспомощной и потерянной. Я с трудом понимаю, где мы, весь мир переворачивается передо мной, небо утопает в толстом слое тумана и туч.

– Мы дома, – дрожащим от усталости голосом говорит Эрнесто, и я уже слышу, как открываются железные ворота и деревянные двери.

– Что произошло? – паникует Кэрри, обхватывая мою голову, как только меня укладывают на диван. – Почему она молчит? – она обращается к мужчине, бегающему по комнате, судя по топоту.

– Она говорит, но я не знаю этот язык. Меня больше беспокоит то, что она не может двигаться. – Он подбегает ко мне, поправляет подушку под моей головой, Кэрри укладывает еще несколько, помогая мне принять положение полулежа, и они оба крутятся около меня. – Врач должен приехать с минуты на минуту, не закрывай двери.

– У нее кровь бежит из ноги, и она опухла! – чуть ли не визжит.

– Ты меня оглушила, открой дверь и прекращай паниковать, – говорит Эрнесто, осматривая мою ногу. – Кэрри, я прошу тебя, не ори ты мне в ухо.

Кэрри смотрит сначала на меня, расплывшуюся и напоминающую больше вздувшуюся пиньяту, потом на Эрнесто, резво обрабатывающего мою ногу перекисью.

– Я не хочу ее потерять, не могу, – уже тише произносит девушка.

Быстрые шаги входящего человека отражаются от стен. Маленький пузатый дядька, со стандартными усиками и густой темной шевелюрой отодвигает Эрнесто от моей ноги. Серьезный мужчина внимательно рассматривает мою рану, затем, не говоря ни слова, поднимает мою кофту и слушает. Фонарик просвечивает мои глаза, ослепляя, доктор, не внушающий доверия, заглядывает в рот и, наконец, я вижу, как из саквояжа появляется шприц и ампула.

– Я поставлю капельницу, очень похоже на алкогольное опьянение и как следствие отравление. Очень надеюсь, что мы успели. – Узкая игла впивается мне в вену, оставляя растекаться невыносимую боль. – Эрнесто, держи ее.

Меня в буквальном смысле выворачивает наизнанку, я выкручиваюсь всем телом, как демон во время сеанса экзорцизма. Боль, прожигающая насквозь, тупая и острая, сильная и слабая, не имеющая определённого места. Это невыносимо, я слышу свой дикий крик, чувствую участившееся биение сердца, тяжелое дыхание. Как неприятное предвкушение, ожидание, когда ловкий убийца безмолвно вонзит в тебя острый кинжал и нанесет подлый удар в спину. Боль становится настолько невыносимой, я прекращаю сопротивляться и позволяю уничтожить меня. Они ошибаются...

– Ногу, доктор, она ее поранила, – отдаленно слышу голос моей подруги, – рана очень глубокая.

– Вот к чему приводит решение выпить лишнего, Эрнесто сказал, что у нее раньше были проблемы с алкоголем. Сколько она провела времени в клинике? Это не работало. – Последнее, что я слышу перед тем, как отключиться.

Глава 7

Мне трудно дышать, на груди словно лежит огромный цементный блок и душит меня. Чувствую биение своего сердца, оно отбивает ритм, подобно молотку по наковальне. Голова жутко болит, сдавливает мои виски невидимой силой. Я чувствую себя растерзанной, размолотой на маленькие кусочки, собрать которые воедино будет практически невозможно.

– Она приходит в себя, – произносит незнакомый голос с выраженным акцентом, – в ее же интересах сделать это как можно скорее. – Кто-то бьет по моим щекам, вызывая неприятные ощущения.

– Не смейте трогать ее. Я буду свидетельствовать, что вы применяете грубую силу, – доносится голос Кэрри. – Вы не имеете никакого права вести себя подобным образом!

Пытаюсь открыть глаза, налившиеся свинцом, ледяное прикосновение, я хватаю воздух, нахлебавшись воды, и громко вздыхаю. Закашлявшись, я снова ощущаю на своих щеках грубые ладони, бьющие меня сильнее прошлого раза.

– Я звоню в полицию! – вопит Кэрри, и я изо всех сил стараюсь скинуть с себя это навязание.

– Кем я и являюсь. Как бы вам не пришлось ответить за то, что мешаете полицейскому в задержании подозреваемого. Поэтому осторожнее, сеньорита, – грубо говорит мужчина и сжимает мое плечо. – Хватит придуриваться, вставай. – Меня резко приподнимают за плечи и встряхивают, как куклу.

Дышу глубже, очень медленно я раскрываю глаза, собрав все свои силы. Расплывчатое изображение незнакомого лица, приближающегося все ближе.

– Ты думаешь, я буду церемониться с тобой!?! – Он резко дергает меня на себя, ставя в вертикальное положение.

Мои ноги подкашиваются, и я медленно оседаю на пол, не в силах устоять. Раскрываю сухие губы в попытке сказать хоть что-то. Мне тяжело сосредоточиться на ком бы то ни было. Я четко слышу тех, кто стоит сейчас в этой комнате.

– Вы же видите, ей плохо. Химена, позвони скорей своему племяннику, – впервые слышу, как плачет Кэрри, она отталкивает мужчину, когда он снова хватается за плечо, приподнимая. – Не трогайте ее, я сама помогу ей. – Она появляется передо мной слишком близко, расплываясь передо мной пятном. – Скажи мне, кому позвонить. Кто поможет?

Я вспоминаю нашу последнюю встречу с мужчиной, который каждую ночь приходит ко мне во снах. С человеком, который говорил, что я сама его избрала, и который попал под подозрение, хотя ничего не сделал мне плохого.

– На кого ты можешь положиться, Андреа!?! – Меня снова грубо хватают за талию, прижимая к себе, плотное тело и стальной захват, неужели он не чувствует, что я не дам ему сдачи, мое тело сейчас больше напоминает сладкую вату, стоит надавить, и я растекаюсь. У меня нет никаких сил говорить, речь все никак не хочет воспроизводиться, я шевелю непослушным языком и сосредотачиваюсь только на одном слове. Несколько раз произношу его про себя и пробую сказать вслух.

– Меллон, – силы будто заканчиваются, как только я, наконец, произношу его имя.

– Не позволяй ему тебя избивать! – кричит за моей спиной подруга, пока меня волокут к машине. – Меллона я достану из-под земли!

– Брысь отсюда, – рывкает мужчина на галдящих детей, привычно собравшихся перед моим домом.

Я с трудом понимаю, что происходит, меня заталкивают в какое-то место, заполненное запахом табака, острых специй и чего-то затхлого. Желудок сжимается, едва я чувствую что-то мягкое под собой. Раскрываю глаза, когда полицейский убирает мои ноги в салон своей

машины, громко ругаясь, и закрывает двери. Вонь становится просто невыносимой, сгибаюсь пополам, и меня рвет на черный резиновый коврик в моих ногах.

– Да чтоб тебя. – Слышу, как он шевелится на сидении, чувствую головой его рваные движения, обшивка грубо соприкасается с моим лицом. Раскрыв широко рот, с трудом дышу, тело снова наливается тяжестью, ноги немеют. Машина трогается с места, судя по покачивающимся движениям, затем, когда резко останавливается, заваливаюсь на бок прямо на пропитанное вонью сидение.

– Возьмите лекарства, – с мольбой в голосе говорит Кэрри, – надо сделать систему. У нее отравление.

– Да мне насрать, что у нее, пока мы не разберемся с ней, пусть хоть сдохнет. – На меня сверху летят мягкие пакеты с содержимым, ударяясь об мое лицо. Я зажмуриваюсь, медленно шевелю рукой, не в силах отодвинуться от двери, бьющей меня по голове. Мужчина будто специально едет по самой ужасной дороге в маниакальной надежде вытрясти из меня все внутренности. Не понимаю, что происходит, все кажется каким-то дурным сном. Еще немного, я проснусь, и не будет этого ужасного ощущения внутри меня, незнакомых людей и боли.

Под рев двигателя и ужасную езду, я замираю на месте, сжимаясь в клубок от резей внутри меня. Так странно ощущать себя затворницей, я вроде как стала привыкать к своей роли в обществе. Вливаться в обыденность, как река, нашедшая новое устье, соединяться с океаном жизни, играя по его правилам.

Я назвала его имя, мне больше некого звать на помощь. Не знаю, имею ли я хоть какое-то право просить Гранта. После всех его звонков и попыток со мной связаться, сама ясно дала понять, что мы больше не увидимся. Именно я поставила точку на нашем недолгом знакомстве. Верила ли я, что он может быть тем, кто так жестоко расправился с моими родителями? Или они действовали вместе, организовали, один отвлекал, второй поехал уничтожать мой смысл жизни? Как бы я не раскладывала эту теорию, не делила ее на мелкие части, чтобы собрать воедино, ничего не сходилось. Он не мог быть тем, кто превратил мою жизнь в ад. Меллон был загадкой, представляющейся моей второй половинкой, чудовищем, скрытым в теле прекрасного человека. Но не убийцей... Точно не таким, как Джаред.

Мой мозг отказывается понимать, для чего я связалась с одним из них, и почему меня так тянет к Гранту, зачем я назвала его. Может он не станет читать, отвечать, или Кэрри не найдет его контакта в моем телефоне.

Машина дергается и останавливается, я переваливаюсь, практически слетаю с кресел.

– И что я должен с тобой делать? – возмущается полицейский.

– Я, – глубокий вдох, – не могу, – хрип из разодранного сухого горла, словно внутри миллион разбитых осколков, – двигаться.

Не вижу его, но открытая дверь и легкий ветерок подсказывают, что человек стоит у меня в голове. Резким движением он разворачивает меня лицом к потолку, хватая за растрепанные волосы и тащит из машины, волоча по полу. Мои ноздри раздуваются от сдерживаемых рыданий, непослушные ноги, и вялое тело чувствует только боль, стертые в кровь руки и ободранные пятки об каменистую дорогу. Спиной ударяюсь обо что-то твердое и громко стону. Мужчина останавливается, видимо осознав, что делает что-то неправильно, опускает мои волосы, и я, не в состоянии удержать голову, ударяюсь об камни.

– Решила из себя разыграть жертву, сволочь? – Он снова хватая меня, но теперь за руку, выворачивая ключицы, дотаскивает до входа в полицейский участок и оставляет валяться на улице.

Это точно не сон, я не проснусь, и происходит нечто такое, за что меня готовы покалечить. Мне очень сложно сосредоточиться на мимо проходящих людях, они все делают вид, будто меня вообще здесь нет. Хотя еще вчера каждый из них готов был целовать мои следы. Какого хрена? Это все, о чем я думаю? Какого хрена произошло?!

– Лежит, красавица, решила притвориться умирающей. Осмотри ее, ты же раньше лечил лошадей. Буду я еще врача для нее вызывать, будто нет других дел. – Меня толкают в спину, затем подтягивают за подмышки, опирая на стену. – И смотри, чтобы не удрала. – Полицейский идет к машине и возвращается с системой, которую передала Кэрри. – На, держи, надеюсь, ты пустишь в ее вены воздух. Медленно сдохнет всем на радость. Лучше так, чем народ ее линчует, понимаешь, о чем я? Нам не нужны скандалы. – Пакеты летят мне в лицо, а я даже не могу отвернуться. – Потом заставь ее своими двумя оказаться там на скамье. – На моем запястье застёгивается браслет, и, судя по звону, на меня только что надели наручники.

Полицейский уходит, оставив меня с человеком, больше похожим на молодого студента, одетого, как сантехник. Его футболка перемазана грязью, лицо вытянуто, а в глазах плещется шок.

– Я думал, ты выглядишь иначе. – Даже не вымыв руки, он снимает колпачок с иглы, вешает на скамью мешок с инъекцией, перегибая ее в нескольких местах до образования воздушных пузырьков, и разглядывает мои вены. – Значит все-таки алкоголичка, вены хорошие.

Он протыкает мою вену, перетягивает на себя пакет, и, не отрываясь от моего лица, разглядывает меня так, словно я жуткое чудовище, исчадь ада, которое необходимо истребить. Как только по крови идет раствор, меня клонит в сон, не контролируя себя, отключаюсь, слегка свесив голову на бок.

Тень, в которой я была совсем недавно, исчезает и на смену ей приходит палящее солнце. Оно иссушает меня, наказывает за все те ошибки, что я раньше совершала. Кожа горит в тех местах, где солнечные лучи сжигают меня заживо, оно издевается надо мной точно так же, как этот детородный студент, выдергивающий иглу из-под моей кожи. Сколько раз он уже убирал систему и возвращал ее на место, теряя вену, будто это было сделано намеренно, поиздеваться надо мной лишний раз. Горячая грубая рука хлопает меня по щекам, я смотрю в глаза человеку, мучившему меня все это время. Он встает на ноги и заходит в помещение. Мне становится немного легче, но слабость и немощность уничтожают мои попытки вывернуть руку из наручников. Металл скрипит, соприкасаясь с поручнем, я осматриваю свои исколотые вены, на которых уже образовывается обширный синяк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.